

Л. Г. Иливицкая <https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

### Центр и периферии города: хронотопические конфликты

В статье предпринята попытка проанализировать дихотомию «центр – периферия» городского пространства с помощью такого методологического инструмента, как хронотоп. Понятие «хронотоп», вошедшее в гуманитаристику благодаря работам М. М. Бахтина, в настоящее время является одним из наиболее универсальных и востребованных понятий, используемых для анализа социокультурных явлений различного порядка, к которым в равной степени относится и город. Хронотоп города, город как хронотоп – достаточно распространенные на сегодняшний день в отечественной гуманитарной мысли направления исследования, позволяющие приблизиться к пониманию сущности города, провести диагностику его состояний, выявить наиболее значимые проблемные поля. Проблема исторического центра города и его периферийных районов приставляет собой один из вариантов классического противостояния, которое многократно проигрывалось в смысловом поле культуры. Уходя своими корнями в мифологическое мировоззрение, четко разделяющее мир на священный центр и профанную периферию, данная модель отношений остается актуальной и для современных городских реалий. В советском и постсоветском пространстве российских городов она приобретает специфические черты. На примере таких городских районов, как Безымянка (Самара) и Уралмаш (Екатеринбург), реализующих хронотоп идеального социалистического города, в котором соединяются советское пространство и время, проанализирован типичный хронотопический конфликт между историческим центром и индустриальными районами, характерный для большинства российских городов с дореволюционным прошлым. Особое внимание уделено различным хронотопическим моделям включения данных районов в пространства города в постсоветский период. В заключение обращается внимание на то, что в настоящее время пространство периферии смещается в удаленные спальные районы, являющиеся отражением уже постсоветского хронотопа.

Ключевые слова: город, центр города, периферия, индустриальные районы, хронотоп, Уралмаш, Безымянка, удаленные спальные районы.

L. G. Ilivitskaya

### Center and Periphery of the City: Chronotopic Conflicts

The article attempts to analyze the «center-periphery» dichotomy of urban space using such a methodological tool as a chronotope. The concept of chronotope, which entered the humanities through the work of M. M. Bakhtin, today is one of the most universal and sought-after concepts used to analyze sociocultural phenomena of a different order, to which the city equally applies. A chronotope of a city, a city as a chronotope – these are quite common research directions in the Russian humanitarian thought that allow one to get closer to understanding the essence of a city, to diagnose its states, to reveal the most significant problem fields. The problem of the historical center of the city and its peripheral regions puts one of the variants of the classical opposition, which has repeatedly been played in the semantic field of culture. Rooted in the mythological world view, clearly dividing the world into a sacred center and profane periphery, this model of relations remains relevant for modern urban realities. In the Soviet and post-Soviet space of Russian cities, it acquires specific features. On the example of such urban areas as Bezmyanka (Samara) and Uralmash (Yekaterinburg), implementing the chronotope of an ideal socialist city, which unites the Soviet space-time, the typical chronotopic conflict between the historical center and industrial areas typical for most Russian cities with a pre-revolutionary past is analyzed. Special attention is paid to various chronotopic models of the inclusion of these areas in the city space in the post-Soviet period. In conclusion, attention is drawn to the fact that at present the space of the periphery is shifting to distant sleeping areas, which are a reflection of the post-Soviet chronotope.

Keywords: city, city center, periphery, industrial areas, chronotope, Uralmash, Bezmyanka, distant sleeping areas.

Город, будучи пространством смыслов, принципиально иерархичен. Это находит отражение в том, что многочисленным его местам, районам, территориям приписывается различное символическое и ценностное значение. Одним из самых конфликтных оснований для такой дифференциации является вопрос о «степени центральности места» [7]. А. Лефевр утверждал, что разделенность – это базовая характеристика именно современного города [16]. С его точки зрения, он не является больше

неким интегральным образованием, в нем царит дуалистская логика расщепления на центр и периферию. Безусловно, именно современный город характеризуется процессами быстрого формирования новых районов вокруг его исторического центра. По мнению экспертов, территория таких районов зачастую достигает 95 % общей площади города [1]. Однако, думается, что этот конфликт в той или иной степени характерен для всех городских поселений независимо от их возраста. Именно он во многом

определяет их жизнь, особенности функционирования и пути развития.

Тема центра города и его периферии получила широкое осмысление в урбанистике. На сегодняшний день сложился большой корпус работ, осмысляющих взаимоотношения этих двух городских реальностей с разных точек зрения (социальной, экономической, политической, культурной и т. д.) [1, 8, 9, 10, 13, 17, 18, 19]. Отмечается, что исследование данной тематики позволяет вскрыть городские проблемные поля, «увидеть реально происходящие процессы, которые следует поддержать или ограничить» [1], открыть новые возможности для городского развития.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть данное противостояние, опираясь на методологию хронотопии [22], главным инструментом которой в исследовании города является хронотоп. В социально-гуманитарные науки понятие «хронотоп» вошло благодаря работам М. М. Бахтина. Он использовал данный термин для анализа реальности художественного произведения. Под хронотопом он понимал существенную «взаимосвязь временных и пространственных отношений» [3, с. 234]. По мнению Бахтина, единство пространства-времени наполнено глубоким культурно-историческим, смысловым, ценностным содержанием. Хронотоп «выступает условием обретения культурного смысла, заданного ритмом постепенного развития событий в их пространственно-временной перспективе» [4, с. 115]. «Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [3, с. 235].

В настоящее время хронотоп является значимым методологическим инструментом, применение которого выходят далеко за рамки анализа художественных текстов. «Через ворота хронотопов» представители различных дисциплинарных областей: философии, культурологии, социологии, психологии – пытаются проникнуть в смысл социокультурных феноменов.

Так как пространство и время выступают базовыми характеристиками существования города, имманентно включенными в его бытие, то хронотоп, связывающий в единую структуру темпорально-топосные и смысловые критерии, может быть рассмотрен в качестве ведущего инструмента, применяемого для анализа города и диагностики его состояний. Его широкие эвристические возможности, применительно к городу представлены, в частности, в монографии «Хронотопия города», которая получила высокую оценку со стороны научного сообщества. Так, Т. С. Злотникова отмечает, что предлагаемые в работе теоретические и методологические разработки данного понятия способствуют «органическому единству пониманий сложного, материального и антропологического, городского пространства» [11, с. 414].

Обращение к хронотопу для раскрытия ценностно-смыслового конфликта центра и периферии города позволяет исследовать последний на разных уровнях: цивилизационном, национальном и локальном.

Дихотомия «центр – периферия» имеет долгую историю отношений. Исследуя природу мифа, М. Элиаде отмечал, что центр всегда сакрален – периферия, наоборот, профанна [23, с. 13]. В этом разрезе центр города в ценностной сетке координат приобретает фактически священный характер, так как «истинный мир» всегда находится в «центре» [23, с. 43]. Центр города – это его символическое ядро, его идеальное воплощение, его уникальный образ, его «дух». Это и есть собственно город. «Чем ближе к центру, тем ближе к точке мира. Жить в старом центре города – значит быть (или, поселившись, стать) как бы бесспорно истинным горожанином, как бы обладателем всех культурных богатств данного города» [12, с. 39]. Периферия имеет ровно противоположное значение. Это «там, где “плохо” и “далеко”» [5]. Она лишена какой-либо положительной ценностной составляющей.

С чего начинается центр города? Прежде всего, он задан историческими границами данного поселения. Центр города – это его топосно-темпоральная точка отсчета. В ней пересекаются начало истории и срединность пространства. И чем дальше от настоящего эта точка (а значит и город) располагается на хронологической карте, тем выше ее ценность. Периферия – это отдаленность от истории, от ее пространственной оси. Она то, что появилось позже и дальше, то, чего в принципе не должно быть.

Но если город не прирастает периферий, то это свидетельство того, что город умирает или умер. Город, законсервированный в своих «сакральных границах», – это город-музей или город-призрак. Любой город стремится не только укорениться в истории, но и утвердиться в пространстве. Величина города – это показатель его развития. Его успешность, привлекательность, эффективность находит отражение в размере территории (мегаполис, мировой город). Но увеличение возможно только за счет периферии. Периферия – это симптом городского развития. Симптом болезненный, порождающий разрывы городского пространства, зоны отчуждения и сегрегации, затерянные и безликие районы, но без него город не способен к развитию и росту. Р. Конна проводит интересные параллели, рассуждая о значении периферии для города. Он предлагает обратиться к словарю по психологии, а именно к статье, посвященной нервной системе. «Нервная система обычно подразделяется на центральную нервную систему (ЦНС), в основном обеспечивающую взаимодействие главных систем организма между собой и с окружающей средой, и периферийную, ответ-

ственную за обеспечение взаимодействия ЦНС с органами чувств и мускулатурой»... Одна система не работает без другой. Периферия, по мысли автора, – это недостающая часть целого [14].

На национальном уровне летопись отношений между центром и периферией приобретает свои специфические особенности. При обращении к российской истории советского периода можно выделить, по крайней мере, две большие волны, в результате которых города с дореволюционным прошлым прирастали новыми районами. Первая относится к 30-40-м гг. XX в. и связана с индустриализацией, а затем и эвакуацией заводов во время Великой Отечественной войны. Именно в это время появляются новые рабочие районы вокруг крупных промышленных предприятий и заводских комплексов. Типичным примером могут являться Уралмаш в Екатеринбурге, тогда Свердловске, Безымянка в Самаре, тогда Куйбышеве. Они были призваны обеспечить работников завода жильем и всей необходимой социально-бытовой инфраструктурой (магазинами, больницами, школами, библиотеками, кинотеатрами, яслями и садами, домами и дворцами культуры, парками и скверами и т. п.).

В конце 60-х гг. берет отсчет вторая волна. Это время возникновения спальных районов, задача которых – решить жилищные проблемы постоянно разрастающегося города, предоставить место для сна его жителям после работы. Их архитектурный облик крайне лапидарен: однотипные многоквартирные жилые здания, крайне скудный набор инфраструктурных учреждений: типовая школа, детский сад, поликлиника. Зачастую они могли не иметь даже собственных названий, а только порядковые обозначения.

Парадоксально, но не они стали символом периферийности, хотя, лишённые какой-либо смысловой нагрузки, они, безусловно, резко контрастировали с историческим и символическим центром. Они, в чем-то оказались близки тому, что З. Бауман определял как «пустые пространства», которым не приписано никакое значение. «Нельзя сказать, что они бессмысленны, пусты: из-за того, что эти пространства не несут в себе никакого значения, причем никто не верит, что они могут содержать таковое, то они и воспринимаются как пустые (точнее, невидимые)» [2, с. 113]. Роль антипода, антагониста исторического центра была отведена индустриальным районам. Причем независимо от того, когда они возникали. Пример тому – появившийся в конце 70-х гг. в Ульяновске Новый город.

Представляется, что одна из причин данного парадокса состоит в том, что промышленные районы мыслились как самостоятельные образования, как своеобразные «города в городе» (спальные районы статусом самостоятельности не обладали). Они во-

площали в себе идею социалистического города, способного противостоять историческому центру, являясь отражением «борьбы нового со старым». Здесь происходило не наложение советского времени на старое дореволюционное пространство центра города путем присвоения новых имен. Здесь советское время умножалось на советское пространство, порождая советский хронотоп идеального города. В журнале «Волжская новь» так, например, описывается планировочная схема будущей Безымянки: «Давайте нарисую условную схему социалистического города. Проводим линию транспорта. Она легко разделит город надвое, оставляя с одной стороны индустриальные кварталы: в них заводы, лаборатории. Теперь перешагнем через узкую линейку транспорта. И мы будем среди светлых кварталов жилищ, окруженных широким поясом древонасаждений. И затем, преодолевая новую зеленую преграду, можно быть в кварталах зданий общественного назначения» [Цит. по: 21]. Соцгород Уралмаш также был построен по идеальному плану коммунистического города. Место его создания было определено не случайно. Это был перекресток трех важнейших составляющих любого производства: железной дороги, электричества и воды. На их пересечении и был построен город, в центре которого располагалась площадь. «К ней пятилучием сходятся все основные улицы. При отсутствии общественного транспорта именно по этим улицам-лучам каждое утро на завод сходились около 40-000 рабочих (из 50-000 проживающих в городе). По главной задумке архитекторов из бюро Оранского, в течение получаса все жители могли оказаться в одной точке города – на проходной завода» [20].

В связи с этим совсем не случайным оказывается то, что на рубеже XX-XXI вв. данные районы начинают осознаваться как второй центр города – промышленный. Безымянка – это собственно и есть настоящий Куйбышев или Уралмаш – Свердловск, в то время как исторический центр – это Самара или Екатеринбург.

Однако «задуманное пространство» (А. Лефевр) идеального города на уровне городской ментальности приобрело на долгое время совершенно другой смысл. За индустриальными районами прочно был закреплён образ пространства чужого, далекого, ущербного, опасного, пустого, отражающего не советский миф о новом городе, а базовые культурные смыслы периферийности. Безымянка и Уралмаш отражают локальное воплощение данного образа. Как замечает Е. Я. Бурлина, «что ни город, то хронотоп» [6]. Например, оба этих района осмысляются как территории чужих, людей иного образа жизни, иных традиций. В книге «Борис Кожин рассказывает...» автор пишет, что на Безымянке существовал другой город, другая культура. «И жители старой

Самары – они не очень-то понимают жителей новой. Это разные города, и разговаривать с их обитателями надо на разных языках» [15, с. 241]. Но носителями «другого дыхания» в каждом из этих районов были разные социальные группы. «Чуждость» Безымянки определяли рабочие с эвакуированных заводов Воронежа, Москвы, Киева, а также бывшие заключенные печально известного Безымянлага. Уралмаш в своем большинстве заселялся деревенскими жителями, бежавшими от нужды и голода.

В постсоветское время традиционный раскол исторических и рабочих районов, с нашей точки зрения, модифицируется, проявляя на локальном уровне различные стратегии. Безымянка становится ближе к городу за счет повседневного инварианта хронотопа (большая вариативность бытовой и социальной структуры, развитие транспорта и т. д.). Уралмаш дополнительно обращается к своему культурно-историческому прошлому, реализуя проекты, направленные на формирование новых культурных смыслов (проекты «Культурные лаборатории на Белой башне», «Уралмаш: производство будущего»). Представляется, что путь Уралмаша более перспективен. Ведь периферия останется именно периферией, пока «в ней не найдется сильного смыслового ядра» [8], пока ее пространство будет восприниматься как содержательно незаполненное, пока культурно-символический капитал места не найдет адекватных форм для своего выражения.

Сегодня можно говорить о новом этапе развития отношений между центральными и периферийными районами. На рынке недвижимости формируется новое понятие «удаленные спальные районы» – воплощение уже постсоветского хронотопа. «Безымянки» не исчезают, они перемещаются в новые пространства. Но перед ними стоит все та же задача: стать частью города. Представляется, что обращение к опыту прошлого дает возможность, с одной стороны, оценить последствия развития новых районов, а с другой – проанализировать способы, приемы, методы, позволяющие пусть не склеить, но хотя бы уменьшить разрыв, существующий между ними и городским центром.

#### Библиографический список

1. Археология периферии [Электронный ресурс]. – М.: Московский урбанистический форум, 2013. – URL: <https://issuu.com/roba65/docs/>
2. Бауман, З. Текучая современность [Текст] / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Бахтин, М. М. Эпос и роман [Текст] / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 301 с.
5. Богоров, В. Самопознание города [Электронный ресурс] / В. Богоров, А. Новиков, У. Серова // Археология пе-

риферии. – М.: Московский урбанистический форум, 2013. – URL: <https://issuu.com/roba65/docs/>

6. Бурлина, Е. Я. «Что ни город, то хронотоп». Пространственно-временная диагностика города [Текст] / Е. Я. Бурлина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – Вып. № 9(63). – С. 103-108.

7. Бусыгина, И. Сжимая пространство до образа мест [Электронный ресурс] / И. Бусыгина // Отечественные записки. – 2002. – № 6 (7). – URL: <http://www.stranaz.ru/2002/6/szhimaya-prostranstvo-do-obrazamest>

8. Глазков, К. От Археологии периферии к Археологии смыслов [Электронный ресурс] / К. Глазков. – 2014. – URL: [http://socofpower.ane.ru/uploads/2\(2014\)/SV14.pdf](http://socofpower.ane.ru/uploads/2(2014)/SV14.pdf)

9. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики [Текст] / под ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2001. – 394 с.

10. Грицай, О. Центр и периферия в региональном развитии [Текст] / О. Грицай, Г. Иоффе, А. Трейвиш. – М., 1991. – 167 с.

11. Злотникова, Т. С. Неизменность человека в меняющемся хронотопе [Текст] / Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 413-415.

12. Каганов, Г. З. Среда обитания и образы истории [Текст] / Г. З. Каганов // Человек. – 1997. – № 1. – С. 38-56.

13. Каганский, В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство [Текст] / В. Каганский. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.

14. Конна, Р. У вас есть волшебная палочка – просто взмахните ею [Электронный ресурс] / Р. Конна // Археология периферии. – М.: Московский урбанистический форум, 2013. – URL: <https://issuu.com/roba65/docs/>

15. Кожин, Б. Рассказывает Борис Кожин [Текст] / Б. Кожин. – Самара: Самарский дом печати, 2007. – 321 с.

16. Лефевр, А. Производство пространства [Текст] / А. Лефевр. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.

17. Лимонов, Л. Э. Крупный город: регулирование территориального развития и инвестиционные стратегии [Текст] / Л. Э. Лимонов. – СПб.: Наука, 2001. – 270 с.

18. Махрова, А. Г. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития [Текст] / А. Г. Махрова, Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.

19. Пилясов, А. Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знаний [Текст] / А. Н. Пилясов. – М.: URSS, 2008. – 542 с.

20. Прогулка по соцгороду Уралмаш. – 2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://ekabu.ru/ekaterinburg/95852-progulka-po-socgorodu-uralmash.html>

21. Стадников, В. Э. Город Куйбышев: Безымянка – градостроительный прагматизм в рамках доктрины «города-ансамбля» сталинского времени [Электронный ресурс] / В. Э. Стадников. – 2011. – URL: [http://archvuz.ru/2011\\_1/11](http://archvuz.ru/2011_1/11)

22. Хронотопия города [Текст]: монография / под ред. Е. Я. Буриной. – Самара: ООО «Книжное издательство», 2016. – 240 с.

23. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

#### Reference List

1. Arheologija periferii = Periphery archeology [Elektronnyj resurs]. – M.: Moskovskij urbanisticheskij forum, 2013. – URL: <https://issuu.com/roba65/docs/>
2. Bauman, Z. Tekuchaja sovremennost' = Current present [Tekst] / Z. Bauman. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s.

3. Bahtin, M. M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let = Questions of literature and esthetics. Researches of different years [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1975. – 504 s.
4. Bahtin, M. M. Jepos i roman = Epos and novel [Tekst] / M. M. Bahtin. – CPb. : Azbuka, 2000. – 301 s.
5. Bogorov, V. Samopoznanie goroda = Self-knowledge of the city [Jelektronnyj resurs] / V. Bogorov, A. Novikov, U. Serova // Arheologija periferii = Periphery archeology. – M. : Moskovskij urbanisticheskij forum, 2013. – URL: <https://issuu.com/roba65/docs/>
6. Burlina, E. Ja. «Chto ni gorod, to hronotop». Prostranstvenno-vremennaja diagnostika goroda = «Each city is a chronotope». Space-time diagnostics of the city [Tekst] / E. Ja. Burlina // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International research magazine. – 2017. – Vyp. № 9(63). – S. 103-108.
7. Busygina, I. Szhimaja prostranstvo do obraza mest = Squeezing space till the image of places [Jelektronnyj resurs] / I. Busygina // Otechestvennye zapiski. – 2002. – № 6 (7). – URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/szhimaya-prostranstvo-do-obrazamest>
8. Glazkov, K. Ot Arheologii periferii k Arheologii smyslov = Periphery archeology to Archeology of meanings [Jelektronnyj resurs] / K. Glazkov. – 2014. – URL: [http://socofpower.ane.ru/uploads/2\(2014\)/SV14.pdf](http://socofpower.ane.ru/uploads/2(2014)/SV14.pdf)
9. Gorod v processah istoricheskikh perehodov. Teoreticheskie aspekty i sociokul'turnye harakteristiki = The city in processes of historical transitions. Theoretical aspects and sociocultural characteristics [Tekst] / pod red. Je. V. Sajko. – M. : Nauka, 2001. – 394 s.
10. Gricaj, O. Centr i periferija v regional'nom razvitii = The center and the periphery in regional development [Tekst] / O. Gricaj, G. Ioffe, A. Trejvish. – M., 1991. – 167 s.
11. Zlotnikova, T. S. Neizmennost' cheloveka v menjajushhemsja hronotope = The invariance of the person in the changing chronotope [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Jaroslavl pedagogical bulletin. – 2016. – № 6. – S. 413-415.
12. Kaganov, G. Z. Sreda obitanija i obrazy istorii = Habitat and images of history [Tekst] / G. Z. Kaganov // Chelovek = Man. – 1997. – № 1. – S. 38-56.
13. Kaganskij, V. Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo = Cultural landscape and Soviet manned space [Tekst] / V. Kaganskij. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 576 s.
14. Konna, R. U vas est' volshebnaia palochka. – prosto vzmahnite eju = You have a magic wand. – just wave it [Jelektronnyj resurs] / R. Konna // Arheologija periferii = Periphery archeology. – M. : Moskovskij urbanisticheskij forum, 2013. – URL: <https://issuu.com/roba65/docs/>
15. Kozhin, B. Rasskazyvaet Boris Kozhin = Boris Kozhin is speaking [Tekst] / B. Kozhin. – Samara : Samarskij dom pečati, 2007. – 321 s.
16. Lefevr, A. Proizvodstvo prostranstva = Production of space [Tekst] / A. Lefevr. – M. : Strelka Press, 2015. – 432 s.
17. Limonov, L. Je. Krupnyj gorod: regulirovanie territorial'nogo razvitiia i investicionnye strategii = Large city: regulation of territorial development and investment strategy [Tekst] / L. Je. Limonov. – SPb. : Nauka, 2001. – 270 s.
18. Mahrova, A. G. Moskovskaja oblast' segodnja i zavtra: tendencii i perspektivy prostranstvennogo razvitiia = Moscow region today and tomorrow: trends and prospects of spatial development [Tekst] / A. G. Mahrova, T. G. Nefedova, A. I. Trejvish. – M. : Novyj hronograf, 2008. – 344 s.
19. Piljasov, A. N. I poslednie stanut pervymi. Severnaja periferija na puti k jekonomike znanij = And the last will become the first. The northern periphery on the way to knowledge economy [Tekst] / A. N. Piljasov. – M. : URSS, 2008. – 542 s.
20. Progulka po socgorodu Uralmash = Walk in sociocity Uralmash. – 2014 [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://ekabu.ru/ekaterinburg/95852-progulka-po-socgorodu-uralmash.html>
21. Stadnikov, V. Je. Gorod Kujbyshev: Bezymjanka. – gradostroitel'nyj pragmatizm v ramkah doktriny «goroda-ansamblja» stalinskogo vremeni = City of Kuibyshev: Bezymjanka. – town-planning pragmatism within the doctrine of «city ensemble» of Stalin time [Jelektronnyj resurs] / V. Je. Stadnikov. – 2011. – URL: [http://archvuz.ru/2011\\_1/11](http://archvuz.ru/2011_1/11)
22. Hronotopija goroda = Chronotopy of the city [Tekst] : monografija / pod. red. E. Ja. Burinoj. – Samara : OOO «Knizhnoe izdatel'stvo», 2016. – 240 s.
23. Jeliade, M. Svjashhennoe i mirskoe = Sacred and wordly [Tekst] / M. Jeliade. – M. : Izd-vo MGU, 1994. – 144 s.